

мировая политика

«В США прекрасно понимают, каких шагов по деэскалации мы от них ждем»

— Тем не менее Россия позитивно оценила этот шаг США, в том числе публично.

— Да, но главное заключалось в другом. Российские инициативы носили «пакетный» характер, и вопрос о наземных ракетах средней и меньшей дальности хотя и имел для нас важное значение, но являлся скорее частным. Во главу угла нами были поставлены фундаментальные и требующие немедленного разрешения вопросы высшего порядка, которые напрямую затрагивают коренные интересы нашей национальной безопасности и определяющим образом влияют на геостратегическую обстановку в Евро-Атлантике.

Речь шла прежде всего о том, чтобы США и НАТО отказались от деструктивного курса на безудержное и вредоносное для нас военно-политическое освоение постсоветского пространства вразрез с принципом неделимости безопасности. И, в частности, от целенаправленного и планомерного превращения Украины в антироссийский форпост, что со многих точек зрения представляло для нас прямую угрозу. На эти требования, как известно, мы получили безапелляционное «нет».

С учетом развернувшейся в мире борьбы за новый, более справедливый и полицентричный порядок России, являющаяся одним из цивилизационных мировых центров, тем более не могла допустить ущемления своего суверенного права на «красные линии» и надежный внешний контур безопасности. Согласитесь, что на фоне подобных судьбоносных материй значение частных вопросов несколько меркнет.

Столкнувшись с решительным отпором, оказанным нами Западу на Украине, США «заморозили» двусторонний диалог. Сделали они это, по всей видимости, в попытке оказать дополнительное политическое давление на нашу страну. Поэтому да, можно говорить о том, что в результате действий Вашингтона контроль над вооружениями стал заложником общей глубокой деградации наших двусторонних отношений.

В части упомянутого вами ДСНВ политические увязки изначально также начали делать именно американцы. Сигнализируют нам о том, что полноформатное функционирование двусторонней консультативной комиссии по договору «в нынешних обстоятельствах», дескать, вызывает у них определенные политические сложности. Вместо этого предлагали свести дело к работе на пониженном экспертном уровне по одному-единственному и приоритетному для США вопросу об инспекциях, что нас, разумеется, не устроило. Но даже когда американцы все-таки формально согласились на проведение сессии двусторонней консультативной комиссии, они продолжили попытки сконцентрировать ее на своих приоритетах.

Пожоже, что в глазах американцев продолжение диалога и проведение полноценной сессии двусторонней консультативной комиссии подсекало бы их отчаянные усилия по дискредитации России на международной арене. В таком случае налицо пример безответственной политизации Вашингтоном контроля над вооружениями.

Со своей стороны констатируем, что зашкаливающая агрессивность США, сделавшая ставку на нанесение России «стратегического поражения» в развязанной против нас тотальной гибридной войне, сделала в принципе практически невозможным конструктивное и плодотворное ведение дел с Вашингтоном по контролю над вооружениями в режиме «как обычно». Это, конечно же, не означает, что мы отказываемся от контроля над вооружениями как такового. Но эта сфера не может существовать в отрыве от военно-политических и геостратегических реалий. Для обеспечения долгосрочных и по-настоящему жизнеспособных решений в этой области потребуются выход на понимание с Западом о параметрах и принципах сосуществования, которые обеспечивали бы минимизацию конфликтного потенциала.

— Но почему Москве и Вашингтону удавалось договариваться в этой сфере в период холодной войны, несмотря на острые конфликты в других областях, а сейчас нет? — И в период холодной войны у контроля над вооружениями были свои взлеты и свои падения. И в этом, опять же, можно проследить прямую корреляцию с общеполитической ситуацией и состоянием дел в отношениях сторон. Как правило, наиболее успешные решения в области контроля над вооружениями совпадали или были связаны с периодами разрядки либо конкретными политическими проектами.

Кроме того, для периода холодной войны после Карибского кризиса (1962 года... «Б») на определенных отрезках было характерно достаточно взвешенное отношение сторон к очевидным «красным линиям» друг друга в области безопасности. Сказать то же о политике тех, кто сегодня у руля в Вашингтоне, не получается. Это не может не влиять на перспективы возобновления диалога по стратегической тематике.

— Вы сказали, что Россия не отказывается от контроля над вооружениями, но в какой мере она сегодня отвечает ее национальным интересам (включая тот же ДСНВ)? — Ответ вытекает из вышесказанного. Безусловно, нас способны заинтересовать такие гипотетические договоренности с США по контролю над вооружениями, которые были бы органично и жизнеспособно вписаны в более «здоровый», чем сейчас, общеполитический и военно-стратегический контекст. При этом, разумеется, любые подобные договоренности должны быть основаны на принципах равноправия и строгого паритета, работать на укрепление на-

шей национальной безопасности. Никакие односторонние уступки здесь не допустимы.

Что касается ДСНВ, то он, к слову, также заключался в принципиально иных, более благоприятных политических условиях. Достаточно посмотреть на цели, которые сформулированы в его преамбуле. Тем не менее Россия сохраняет приверженность этому договору, который и в нынешних обстоятельствах продолжает обеспечивать предсказуемость и сдержанность сторон в ракетно-ядерной сфере. Однако с сожалением приходится констатировать, что и здесь не избежит негативного влияния сопутствующих факторов, о которых я уже говорил.

— Когда теперь может пройти заседание двусторонней консультативной комиссии по ДСНВ? Насколько жестко его проведение увязано с теми условиями по Украине, которые были озвучены российской стороной после переноса встречи в Каире? То есть что именно должны сделать США, чтобы Россия назначила новую дату встречи?

— Готов повторить вам ровно то, что мы довели до американской стороны: по совокупности обстоятельств российская сторона считает, что пока США не пересмотрят свою крайне враждебную линию в отношении нашей страны и не откажутся от политики наращивания угроз национальной безопасности России, какие-либо позитивные сигналы о поднимаемых Вашингтоном в контексте выполнения ДСНВ вопросах были бы неоправданными, несвоевременными и неуместными.

Не буду на этом этапе вдаваться в детали, но отмечу один из наиболее вопиющих моментов. Согласитесь, что весьма странно, если не сказать жестко, требовать от нас, например, возобновления инспекционной деятельности на российских объектах стратегических наступательных вооружений в условиях, когда киевский режим осуществил попытки ударить по объектам нашей дальней авиации, причем при непосредственном военно-техническом и разведывательно-информационном участии США. Возникает вопрос: что именно намерены проверять там американцы? Последствия этих атак?

Что касается критериев того, в какой мере США должны были бы скорректировать свою политику в отношении России для перехода к конструктивной повестке дня по контролю над вооружениями, то будем определяться исходя из комплексного анализа ситуации и действий Вашингтона. Прежде всего, разумеется, в контексте кризиса вокруг Украины. Убежден, в США прекрасно понимают, каких именно шагов по деэскалации мы от них ждем.

— Нет ли у российской стороны опасений, что без инспекций и встреч двусторонней консультативной комиссии США обвинят Россию в нарушении ДСНВ и сами перестанут выполнять его? Судя по заявлениям из Вашингтона, в том числе на днях из Госдепа и Конгресса, одного обмена информацией и уведомлениями им мало.

— Позволю себе подправить вас в том плане, что, помимо обмена, в рамках реализации договора продолжают действовать центральные количественные ограничения на уровни стратегических наступательных вооружений сторон. А вот с этим у США как раз не все в порядке. Не устаем напоминать о допущенных ими нарушениях, связанных с нелегитимным односторонним выводом из-под засчета по договору существенного количества своих якобы переоборудованных стратегических наступательных вооружений. Так что с точки зрения соответствия действий США букве договора именно их послужной список уже давно и сильно подпорчен.

Если в пропагандистских целях американцы решат усугубить ситуацию, что ж, это будет их выбор. Но не привлекать к тому, как Вашингтон разрушает соглашения в области контроля над вооружениями, вместо того чтобы предпринять конкретные практические шаги по укреплению их жизнеспособности. Развал ДСНВ, конечно же, вызовет как минимум глубокое сожаление. Но и «насильно» удерживать другую сторону в договоре мы не станем. Исходя из того, что соглашение объективно продолжает отвечать интересам обеих стран.

— Вы напомнили, что Россия неоднократно обвиняла США в том, что они не в полной мере придерживаются требований ДСНВ (в плане возможной обратимости конверсии пусковых установок американских баллистических ракет подводных лодок и тяжелых бом-

бардировщиков). При этом российские официальные лица признавали, что стороны обсудили ряд практических мер по урегулированию этой проблемы. Однако без инспекций, если я правильно понимаю, эти варианты не протестируются. Получается, что Россия указывает на проблему, но не делает нужных шагов в сторону ее решения. Нет ли здесь противоречий?

— Для начала небольшое уточнение: наши претензии к США связаны не с обратимостью переоборудования как таковой, а с тем, что американцы использовали процедуры, результаты которых мы не можем проверить и подтвердить, как того требует договор. При этом вы правы в том, что на определенном этапе сторонам удалось выйти на предварительное понимание, как можно было урегулировать проблемный вопрос применительно к пусковым установкам баллистических ракет подводных лодок, которые США объявили переоборудованными. Вместе с тем ни по тяжелым бомбардировщикам, ни по так называемым учебным шахтам межконтинентальных баллистических ракет, по которым у нас также претензии к американцам, они нам навстречу не пошли.

Для закрепления договоренностей по пусковым установкам баллистических ракет подводных лодок действительно потребуются апробировать их на практике в ходе инспекционного мероприятия. Однако я не вижу здесь никаких противоречий с нашей позицией по возобновлению инспекционной деятельности. Нами вопрос поставлен гораздо шире и в принципиальном плане, что, опять же, важнее частных. Сначала предстоит урегулировать или хотя бы минимизировать фундаментальные и отравляющие все остальные треки противоречия в той плоскости, о которой мы говорили выше. А уже это открывало бы путь к окончательному разрешению технических проблем, непосредственно препятствующих возобновлению верификационной деятельности. Таковых также хватает.

— В начале декабря США сделали важный практический шаг на пути к обретению систем, ранее запрещенных по ДРСМД. Пентагону была передана первая батарея нового ракетного комплекса MRC Turphon — первого наземного ударного средства средней дальности у армии США с окончания холодной войны и расторжения ДРСМД. На территории Европы новые комплексы могут быть размещены уже в ближайшие два-три года. Чем на это ответит Россия? Видите ли вы опасность повторения «кризиса евrorакет» 1980-х годов между НАТО и СССР?

— Мы, разумеется, тщательно отслеживаем процесс разработки и постановки на вооружение американских ракет средней и меньшей дальности наземного базирования. Их линейка весьма разнообразна и не ограничивается упомянутым вами ракетным комплексом. Безусловно, появление таких средств в регионах, откуда они смогут представлять для нас угрозу, приведет к принятию ответных мер. Об этом предельно ясно заявлял президент России Владимир Путин.

Понятно, что это тот самый негативный сценарий в режиме «действие — контрдействие», которого мы настоятельно предлагали избежать, выдвигая конкретные предложения и инициативы. Причем делали это задолго до обострения украинского кризиса. Услышаны тогда мы не были. А дальнейшее развитие событий мы уже с вами обсудили. Могу лишь сказать, что если и когда созреют условия для возобновления стратегического диалога с США, тема «пост-ДРСМД», естественно, должна будет стать одной из составляющих уравнения безопасности, подлежащего совместной выработке.

— Раз России и США не удается договариваться в сфере контроля над вооружениями на двусторонней основе, могут ли какие-то иные форматы заполнить этот вакуум в каком-то смысле? Скажем, ядерная «пятерка» (Россия, США, Китай, Великобритания, Франция)?

— Объективная реальность такова, что двусторонний российско-американский диалог и работа в формате ядерной «пятерки» ощутимо различаются по содержанию наполнению. Очевидно, например, что не все пять стран были бы на данном этапе или в обозримой перспективе готовы без каких-либо предусловий включиться в работу по многостороннему ограничению и, тем более, сокращению стратегических наступательных вооружений. Великобритания и Франция, являющиеся союзниками США по альянсу НАТО, занимают резко негативную позицию на этот счет.

Однако мы будем и далее стремиться к «дополненной стоимости» работы в «пятерочном» формате. Посмотрим, что можно сделать на этом треке для снижения напряженности в мире.

— Если ДСНВ развалится до 2026 года или истечет без замены и при этом не будет никаких новых договоренностей, скажем, по ракетам средней и меньшей дальности, космосу и киберу, что ждет Россию и США? Какими будут их отношения без контроля над вооружениями?

— Пессимист ответил бы: «Осталось немного подождать, и столкнемся с миром без российско-американского контроля над вооружениями». Оптимист сказал бы: «Не будем ставить на плохое и дадим шанс надеждам на лучшее». Ну а реалист ограничился бы фразой «Поживем — увидим». Ограничусь ею и я.

Интервью взяла Елена Черненко

Разведка доложила точно

Владимир Орлов, директор ПИР-Центра

30 лет назад, 28 января 1993 года, в Москве состоялась уникальная пресс-конференция. Ее провела академик Евгений Примаков — тогда директор Службы внешней разведки (СВР). Вместе со своими коллегами генералами Вячеславом Трубниковым и Геннадием Евстафьевым он представил аналитический доклад СВР под названием «Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения». Впервые в истории отечественной разведки был обнародован доклад по этой чувствительной проблематике — доклад, основанный, по словам самого Примакова, на анализе не только открытых материалов, но и «данных, добытых специфическими оперативными методами».

Столько воды с тех пор утекло, а ведь набор «ядерных фигурантов», вызвавших тогда наиболее пристальное внимание российских разведчиков, не сильно изменился. В «первом ряду»: Израиль, Индия, Пакистан — неофициальные ядерные государства; к ним примыкает «сложный случай» — КНДР. Следующий ряд: Япония, Южная Корея,

Прошло 30 лет со дня обнародования доклада СВР, но головная боль по поводу расползания ядерного оружия по миру никуда не уходит

Иран. Беспокоили тогда российскую разведку и Саудовская Аравия, и Украина — в последнем случае, правда, неизменно делалась оговорка, что «в отношении Украины разведка не ведем», но «тревога сохраняется».

Конечно, в ту пору у России был свой специфический набор задач — почему доклад и появился на свет. Во-первых, требовалось сохранить, бессрочно продлив Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Во-вторых, надо было сбегать в нем привилегированное место России как ядерного наследника СССР. В-третьих, в условиях жесточайшего социально-экономического и внутривнутриполитического кризиса требовалось отбить атаки на Россию со стороны тех сил на Западе, кто обвинял Россию во всех смертных ядерных грехах — от отсутствия контроля за боеприпасами до утечки ракетно-ядерных умов, материалов, технологий двойного применения.

Многое с тех пор удалось. Но еще больше — не удалось. Главный удар «под дых» был нанесен режиму ядерного нераспространения спустя десять лет после выхода доклада СВР, когда США напали на Ирак под надуманным предлогом поиска там «оружия массового уничтожения». Результат — дело борьбы с распространением ОМУ оказалось скомпрометировано. А уже в наше десятилетие оказалась порванной та «шелковая нить», о которой говорил еще Андрей Громыко: существовавшая несколько десятилетий негласная координация по «сложным случаям» ядерного нераспространения между Москвой и Вашингтоном.

Придет ли на смену порванной нити российско-китайский нераспространенческий «шелк» — вот вопрос. В только что вышедшем докладе ПИР-Центра «Новая ядерная девятка? Оценка угроз ядерного оружия в мире» приводится такой список стран и территорий, обладающих потенциалом создания ядерного оружия в среднесрочной перспективе (в порядке убывания риска): Иран, Япония, Южная Корея, Тайвань, Украина, Египет, Саудовская Аравия, Турция, Бразилия. Вынесем Египет и Бразилию за скобки, а все прочее — актуально и для Москвы, и для Пекина.

В любом случае головная боль по поводу расползания ядерного оружия по миру никуда не уходит. Но вот что именно знает об этом российская разведка в 2023 году — нам неизвестно. Выпустив несколько докладов в 1990-е, СВР с тех пор безмолвствует. Другие времена.

Чехия проверяет себя на милитаризм

Граждане страны выбирают между генералом и миллиардером

В Чехии в пятницу стартует двухдневный второй тур президентских выборов. Социологи прочат победу отставному генералу, экс-главе Военного комитета НАТО Петру Павлу. Между тем второй кандидат — миллиардер и бывший премьер-министр Андрей Бабиш — до последнего момента пытался убедить электорат в том, что его соперник опасен, так как при первой же возможности втянет Чехию в войну.

«В большинстве цивилизованных государств глава государства — это не военный», — негодовал после первого тура выборов Милош Земан, покидающий пост президента. Из восьми кандидатов во второй тур, который завершится в эту субботу, прошли бывший командующий генштабом Чехии Петр Павел и экс-премьер Андрей Бабиш. Несмотря на недолговечность президента Земана, после 8 марта его кресло, судя по опросам, все же займет отставной генерал. Если в первом туре за него отдали 35,4% бюллетеней, то во втором опросы прочат ему 58,8%. Андрей Бабиш, которому в первом туре досталось 34,99% голосов, во втором может набрать 41,2%.

Грязная предвыборная кампания к этой пятнице обострилась до предела. Как пишет ТАСС со ссылкой на новостной портал aktualne.cz, накануне второго тура от имени генерала чешским абонентам приходили фейковые СМС

с приглашением «получить оружие для мобилизации на Украине». А Андрей Бабиш рассказал, что его жена получила конверт с боевым патроном и анонимными угрозами. Генерал обвинял миллиардера в «постоянной лжи». Последний заявлял, что его оппонент поддержал вторжение в Чехословакию в 1968 году и сравнил соперника (не в качестве компонента) с президентом РФ Владимиром Путиным, также выходящем из силовых структур.

61-летний Петр Павел — сын офицера и кадровый военный с разнообразным опытом службы: и в военной разведке, и в миротворческой миссии ООН в Югославии, и в Министерстве обороны. 68-летний Андрей Бабиш — ушедший в политику бизнесмен. Долларовый миллиардер, бывший министр финансов. В 2011 году «чешский Трамп», как его нередко называют СМИ, создал популистскую партию «Акция недолюбленных граждан». Когда-то выступал за укрепление отношений с Россией. В 2017 году на четыре года занял кресло премьера.

Ситуация на Украине стала для каждого из кандидатов поводом для критики соперника. «Не втяну Чехию в войну. Я дипломат. Не военный. Президент Бабиш», — гласит один из предвыборных плакатов. «Кто-то в Чехии распространяет сообщения о том, что если Павел будет избран, он втянет страну в войну. Это абсолютная чушь. Как солдат, я знаю, что

такое война, и я никому бы ее не желал. Я бы никогда этого не допустил», — парировал генерал.

Эта тема получила развитие на теледебатах в прошлое воскресенье. Когда у Андрея Бабиша спросили, должна ли Чехия направить своих военных для участия в гипотетическом конфликте в случае нападения на Польшу или страны Балтии, то кандидат оказался категоричен: «Совершенно точно нет. Я хочу мира, я не хочу войны. Я категорически против того, чтобы направлять на войну наших детей или детей наших женщин». Его оппонент напомнил об уставе НАТО: «Если мы член организации, мы не только пользуемся коллективной безопасностью, но и должны быть готовы что-то давать со своей стороны. Наша обязанность — принять участие в коллективном ответе, если кто-то атакован».

Забывшему о евроатлантической солидарности экс-премьеру пришлось на следующий день оправдываться, что «он даже в мыслях не хотел представлять себе Третью мировую». Однако его уже услышали и на родине, и за рубежом. «Народу Чехии, нашим очень хорошим друзьям в Чехии хочу сказать одно: если на свободу, суверенитет, территориальную целостность Чехии будут покушаться внешние силы, литовцы встанут в строй плечом к плечу с вами», — поторопился заверить глава МИД Литвы Габриэлус Ландсбергис.

Галина Дудина